

авторских предисловий – не единственная точка соприкосновения. На интертекстуальном уровне Гоголь присутствует в письмах Мережковского к Андрею Белому (см.: «Боря, Боря, мальчик мой любимый, единственный...» Письма Д. С. Мережковского Андрею Белому / вступ. ст., публ. и коммент. А. Холикова // *Вопр. литературы*. 2006. № 1. С. 135–185).

⁴² Лазареску О. Литературное предисловие : вопросы истории и поэтики (на материале русской литературы XVIII–XIX вв.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. С. 31–32.

⁴³ Здесь мы заимствуем терминологию В. Е. Хализева, который выделяет «рефлексивный» (активное воздействие автора) и «нерефлексивный» («аксиоматические» представления писателя, «психоидеология» общественной группы, к которой он принадлежит, его сексуальные комплексы, «коллективное бессознательное») аспекты художественной субъективности (см.: Хализев В. *Теория литературы*. М., 2009. С. 102–103).

⁴⁴ Мережковский Д. [От автора]. С. VIII.

УДК 821.161.1.09+929 Полонский

РОЛЬ ДУХОВНОГО ЗРЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ (по материалам литературно-критических статей В. П. Полонского)

А. Р. Резепова

Саратовский государственный университет
E-mail: aliya.rezepova@gmail.com

В работе проведен анализ влияния особенностей индивидуального мировосприятия писателя на формирование авторского стиля, указаны сферы взаимопроникновения общественной и индивидуальной составляющих духовного зрения писателя.

Ключевые слова: литературная критика 1920-х гг., В. П. Полонский, духовное зрение, эстетический анализ произведений.

The Role of Writer's Spiritual Vision in his Works: a Case Study of Literary Criticism Articles by V. P. Polonsky

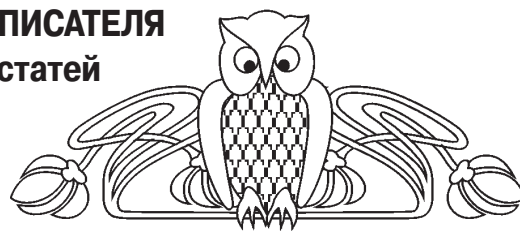
A. R. Rezepova

The article presents the analysis of interconnections between the writer's individual perception of the world and the development of his writing style. It also defines the mutual penetration spheres of social and individual components of the writer's spiritual vision.

Key words: literary criticism of 1920s, V. P. Polonsky, spiritual vision, aesthetic analysis of literary works.

Победа власти Советов и последующее установление диктатуры пролетариата потребовали создания и повсеместного внедрения новых общественных стандартов. Обновление коснулось без исключения всех сфер: политической, бытовой, социальной и культурной. Если с изменением социальной и бытовой все было определено, то изменение нематериальной стороны жизни требовало серьезного осмысления.

В 1920-х гг. при участии множества идеологических групп и объединений формировалась новая концепция искусства: переходная эпоха требовала новых принципов создания и изучения художественного произведения. Массовая критика этого периода еще не обладала ни достаточным теоретическим обоснованием исследовательских принципов, ни разработанным инструментарием и методологией анализа

художественной литературы. Подробным образом вопросы становления методологии массовой критики 1920-х гг. изучены в работах Г. А. Белой, Е. Г. Елиной, М. М. Голубкова, С. И. Шешукова, В. В. Эйдиновой и др.

Зачастую литературно-критический разбор произведения и творчества писателя сводился к ответам на следующие вопросы: «...как обстоят дела с классикой, пользуется ли автор новыми литературными приемами, умеет ли дать представление о характере героев»¹. В. П. Полонский как критик-марксист яростно «боролся с теми течениями в марксистской критике, которые, по его мнению, разрушали представление о художественной литературе как эстетическом феномене»². Его метод отличало полное погружение в творчество анализируемого автора. Как отмечает В. В. Эйдинова, «в работах критика раскрывается тот содержательный, основанный на понимании организующей роли стиля подход к нему, который позволяет автору глубоко войти в существо художественного мира писателя»³. Учитывая влияние классового и социального факторов на творчество, большее внимание Полонский уделял исследованию и анализу эстетической составляющей искусства слова.

Углубляя и усложняя положения, заявленные в статьях Г. В. Плеханова и В. И. Ленина, ряд критиков – А. В. Луначарский, А. К. Воронский, В. П. Полонский и другие – отстаивали специфику художественного творчества как области соединения индивидуального и общественного. Проблему взаимодействия личного и социального начал в творчестве Полонский называл «важнейшей проблемой нашего времени»⁴, он отмечал, что лишь «счастливое соединение» богатого личного

опыта и таланта автора делает из простого текста произведение искусства. В статье «Марксизм и литература» А. В. Луначарский утверждал, что неотъемлемыми составляющими художественного таланта являются чуткое восприятие действительности, острая наблюдательность, способность к эмоциональной переработке материала и умение воплотить накопленный материал в художественное произведение⁵.

Одной из областей соприкосновения личного и общественного в художественном творчестве является духовное зрение писателя. Его основа закладывается особенностями психики художника, однако непосредственное влияние на формирование внутреннего взгляда писателя оказывает современная ему общественно-политическая ситуация. Об этом много писали критики-перевальцы, пытаясь «в своих статьях наметить возможности для установления широких связей личного опыта и внутреннего мира писателя с обществом»⁶. В свою очередь, самобытность взгляда художника на мир находит прямое отражение в стилевых особенностях творчества автора.

В. П. Полонский детально исследовал механизмы воздействия внутреннего зрения писателя на творчество, определяя зоны взаимопроникновения личного и общественного в искусстве. Об этом заявлено в статье В. В. Эйдиновой «О Вячеславе Полонском»⁷. Однако метод исследования художественного произведения с опорой на анализ духовного зрения писателя, разрабатываемый В. П. Полонским, до сих пор не изучен в полной мере. В данной статье мы попытаемся обозначить основные сферы влияния «духовного зрения» (термин Полонского) и социально-общественной позиции на формирование стиля писателя. Материалом для исследования послужили критические статьи В. П. Полонского в журналах «Новый мир» и «Печать и революция».

Массовая критика 1920-х гг. тяготела к упрощенному анализу произведений с точки зрения социалистической идеологии, зачастую игнорируя эстетическую составляющую творчества: «Одним из актуальных для 1920-х годов средств интерпретации текста следует назвать способ “наложения” универсального социологизаторского лекала на неограниченное пространство любого словесно-художественного произведения»⁸.

Более сложный анализ – эстетический – предполагал, что художественное произведение отражает действительность, преломляясь сквозь личное мировоззрение писателя. В. П. Полонский утверждал, что искусство не способно дать объективной картины жизни, так как даже самый беспристрастный художник «никогда не видит мир таким, каким он есть, а всегда видит его “своими” глазами»⁹. Похожие идеи находим и у А. К. Воронского: «Художник познает жизнь, но не копирует ее, не делает снимков; он не фотограф; он перевоплощает ее “всезрящими очами своего чувства”»¹⁰.

Таким образом, картина мира, которую рисует писатель в своем произведении, есть не что иное как отражение его внутреннего зрения, и она рассказывает больше о самом художнике, чем о мире: «...все, что сказал он о Конармии, и все, что ухитрился о ней позабыть, – все это говорит о нем самом, об авторе, о его точке зрения на мир»¹¹. Полонский утверждает, что задача писателя не в том, чтобы задокументировать реальность, а в том, чтобы дать читателю возможность взглянуть на мир «другими» глазами, раздвинуть границы его представления об этой реальности. Одна из основных функций искусства, по Полонскому – «расширять бытие человека, вооружать его новым зрением, показывать мир чужими глазами, обнаруживать в нем краски и формы, незаметные или малозаметные ранее»¹². Критик отмечает, что каждый талантливый художник не только видит мир иначе, но и показывает его с уникальной, новаторской точки зрения своему читателю. Неординарное восприятие мира отражается в произведениях автора, Полонский в своих критических статьях определяет, каким образом. Например, исток самобытности творчества Маяковского он находит в том, что тот смотрит на мир «увеличительным глазом»: его герои, образы, страсти предельно гиперболичны.

В критических заметках В. П. Полонский неоднократно подчеркивал, что в творчестве художника определяющую роль играет призма, сквозь которую он видит окружающий мир: «Существует зависимость между особенностями художнического зрения, свойствами творческой индивидуальности и материалом, который подвергает художник обработке»¹³. Изучение духовного зрения писателя дает ключ к его творчеству, помогает понять мотивацию выбора материала для произведения, главных героев, лексики, образительных средств и т. д., так же как изучение содержания произведения помогает точнее сформулировать жизненную позицию автора.

У настоящих художников, обладающих способностью образно строить мир, черты внутреннего зрения формируют основополагающий принцип всего творчества. При анализе произведений того или иного автора В. П. Полонский определяет, как свойства духовной организации писателя повлияли на стиль его произведений. Критик выделяет доминантные характеристики умственного взгляда художника, которые оказали наибольшее влияние на формирование творческой самобытности автора. Так, духовная «метельность» Пильняка «наложила свою печать не только на тематику его вещей. Она отразилась в их языке, в композиции, в образности»¹⁴. Романтизм и гиперболизм Бабеля в его произведениях воспроизведены в приподнятой патетике языка, жажде необычайного, красочности описаний, постоянных преувеличений.

По Полонскому, органичен и успешен тот художник, который пишет о созвучном его вну-

треннему видению мира, о чем знает он из личных наблюдений и опыта. У таких авторов обнаруживается духовное родство с их героями: читатели «мужицкого писателя» А. Веселого видят «Россию, кровью умытую» «сквозь зрение мужика, одетого в солдатскую шинель»¹⁵, у писателя деревни Вс. Иванова и героев его партизанских повестей – «общий взгляд на мир».

В. П. Полонский считал, что передача писательского зрения героям произведения – один из наиболее распространенных приемов в литературе. Однако, по его мнению, подлинного художника отличает способность через героев произведения раскрыть свой внутренний мир и, возвысившись над самим собой, преодолеть собственные недостатки. Критик отмечает, что данный прием позволяет не только выразить авторские идеи в тексте, но и углубить содержание произведения, создав дополнительный уровень повествования. Читатель получает возможность не только составить представление о внутреннем зрении писателя, но и понять, как воспринимают действительность его герои: «Глазами Кавалерова показан Андрей Бабичев. Наш мечтатель не пощадил врага: последний получил выпуклым и живым, как портрет, выходящий из рамы»¹⁶.

Специфика мировоззрения художника предопределяет выбор средств художественной выразительности. Полонский последовательно прослеживает взаимосвязанность духовного зрения писателя и его стиля. Он отмечает, что особое зрение Маяковского помогает ему увидеть, как «в ушах оглохших пароходов горели серьги якорей»¹⁷, что гиперболизм взгляда Бабеля предопределяет большое количество преувеличений в тексте: «... все у Бабеля необыкновенно: рессоры на тачанке “небывалые”; ульи “неописуемые”; шоссе “неувядаемое”...»¹⁸. Лексика произведений Иванова говорит о его деревенской точке зрения на жизнь: «Эта ограниченность сравнений выразительно говорит о мироощущении художника. У него нет иных красок, кроме тех, что почерпнуты из деревенского, негородского бытия»¹⁹.

Полонский полагал, что духовное видение писателя – открытая система, подверженная внешнему воздействию. Перемена угла зрения оказывает непосредственное влияние на работу писателя в целом: «В творчестве его как бы переместился угол зрения. Раньше он был поглощен собой, смотрел внутрь себя, думал об одном себе, о своей боли, своих чувствах, своей судьбе. Теперь он захвачен людской болью, потоком масс»²⁰. Он определяет выбор героев, о которых пишет автор («Человек, который погибает, делается предметом глубочайшего внимания Иванова... Наш художник начинает глядеть на мир тускнеющими, слепнущими глазами, и мир теряет краски, сереет, как наступающий вечер»²¹), лексику произведений («Новая тематика, новые впечатления, новая точка зрения на мир придали некоторую суровость языку, оставив цветистость сравнений»²²) и авторское мировоззрение

(«Камень – зверь, вода – зверь, и даже бабочка – и та норовит укусить – вот она перемена угла зрения! Мир стал злым и тревожным»²³).

На писательское мироощущение оказывают влияние различные факторы. Полонский пишет, что существует прежде всего «зависимость искусства от социальной позиции, какую занимает автор»²⁴. Окружающая действительность, безусловно, вносит коррективы в восприятие мира. В. П. Полонский признавал, что с течением времени духовное зрение преобразуется, принимая другие очертания. От большинства современников его отличало стремление к объективной оценке творчества писателя. Критик утверждал, что «время и опыт [могут внести] существенные правки в мировоззрение автора»²⁵, именно поэтому он настаивал на глубоком анализе всего творческого пути писателя в развитии, а не конкретного произведения.

Полонский отмечает, что мировоззрение автора видоизменяется вместе с его отношением к революции. Безусловно, для любого писателя эпохи 1920-х гг. «революционный» взгляд на мир является положительной характеристикой. В. П. Полонский провозглашает аксиому: «Скажи мне, что нашел ты в революции, – и я скажу тебе, кто ты»²⁶. Поощряя Дм. Фурманова, зрение которого «было зрением большевика, партийца, революционера», Полонский осуждает Пильняка, растерявшего свою революционность, и из поэта революционных партизан, «по мере того как выветривалось его революционно-крестьянское мировоззрение, он превратился в поэта разлагающегося мещанства эпохи пролетарской революции»²⁷.

Художник не может дать беспристрастной картины мира, ибо система его взглядов постоянно модифицируется под воздействием внутреннего развития личности и изменения общественно-политической ситуации. Полонский оставляет за писателем право на ошибку, утверждая, что художественная литература отражает не хронику событий, а авторский взгляд на эти события. «Все дело в том, чтобы своеобразие художнического пристрастного зрения не искажало картины настолько, чтобы она теряла убедительность!»²⁸.

В. П. Полонский настаивал на комплексном подходе к анализу творчества: учитывая социальное положение и происхождение автора, он обращался прежде всего к эстетической и психологической стороне творчества каждого писателя. Критик полагал, что исследование особенностей художнического духовного зрения – ключ к пониманию любого произведения. Более того, осмысление истоков мировоззрения художника позволяет выявить и объяснить происхождение сильных и слабых сторон в его творчестве.

Являясь одним из самых авторитетных литературных критиков 1920-х гг. Полонский в своих очерках формулировал основные принципы собственной литературно-критической деятельности, методологии. Обращая пристальное внимание на

эволюцию писательского «умственного зрения», критик доказывал, что любой творческий процесс, в том числе и литературный, является продуктом синтеза общественной позиции художника, его жизненного опыта и уникальности его духовной организации.

Примечания

- ¹ Елина Е. Литературная критика и общественное сознание Советской России 1920-х годов. Саратов, 1994. С. 88.
- ² Елина Е. Художественная и газетно-журнальная словесность в творческой концепции Вяч. Полонского и общественно-литературной ситуации эпохи НЭПа // НЭП в истории культуры : от центра к периферии / под ред. И. Ю. Ивановиной, И. А. Тарасовой. Саратов, 2010. С. 32.
- ³ Эйдинова В. Стиль художника : Концепции стиля в литературной критике 1920-х гг. М., 1991. С. 246.
- ⁴ Полонский В. О литературе. М., 1988. С. 181.
- ⁵ См. подробнее: Луначарский А. Марксизм и литература // Луначарский А. Собр. соч. : в 8 т. М., 1967. Т. 7. С. 339.
- ⁶ Белая Г. Дон-Кихоты 20-х годов : «Перевал» и судьба его идей. М., 1989. С. 76.
- ⁷ Цит. по: Полонский В. О литературе. М., 1988. С. 18.
- ⁸ Елина Е. Литературная критика и общественное сознание Советской России 1920-х годов. С. 86.

- ⁹ Там же. С. 46.
- ¹⁰ Воронский А. Искусство видеть мир : Статьи, портреты. М., 1987. С. 365.
- ¹¹ Полонский В. Критические заметки : О Бабеле // Новый мир. 1927. Кн. 1. С. 199.
- ¹² Полонский В. О литературе. С. 152.
- ¹³ Там же. С. 50.
- ¹⁴ Полонский В. Критические заметки : Шахматы без короля (О Пильняке) // Новый мир. 1927. Кн. 10. С. 183.
- ¹⁵ Полонский В. Критические заметки : Об Артеме Веселом // Новый мир. 1927. Кн. 3. С. 172.
- ¹⁶ Полонский В. О литературе. С. 163.
- ¹⁷ Там же. С. 205.
- ¹⁸ Полонский В. Критические заметки : О Бабеле. С. 200.
- ¹⁹ Полонский В. О литературе. С. 95.
- ²⁰ Там же. С. 225.
- ²¹ Там же. С. 107.
- ²² Полонский В. Критические заметки : О Бабеле. С. 208.
- ²³ Полонский В. О литературе. М., 1988. С. 107–108.
- ²⁴ Полонский В. Очерки современной литературы. М. ; Л., 1930. С. 167.
- ²⁵ Там же. С. 178–179.
- ²⁶ Полонский В. Критические заметки : Шахматы без короля (О Пильняке). С. 174.
- ²⁷ Полонский В. О литературе. С. 122.
- ²⁸ Там же. С. 46.

УДК 821.161.1.09:070

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ 1920–1922 ГОДОВ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ИЗВЕСТИЯ ВЦИК»

М. В. Сагалаева

Саратовский государственный университет
E-mail: marinasagalaeva@mail.ru

В статье анализируется литературная жизнь Советской России в 1920–1922 гг. в отражении газеты «Известия ВЦИК», рассматриваются её основные составляющие: литературные вечера, образование новых литературных организаций и заведений, литературные конкурсы, имена писателей и другое.

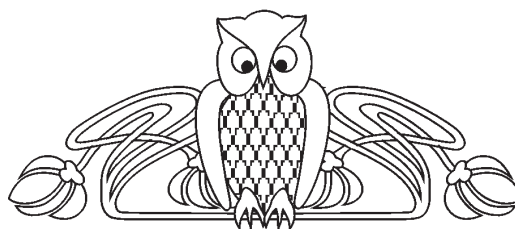
Ключевые слова: литературная жизнь, «Известия ВЦИК», 1920-е гг., советская литература.

Literary Life of 1920–1922 on the Pages of the Newspaper Izvestiya VZIK (All-Russian Central Executive Committee News)

М. V. Sagalayeva

In the article literary life of the Soviet Russia of the years 1920–1922 is analyzed as it was reflected in the newspaper Izvestiya VZIK (All-Russian Central Executive Committee). The main components of this life are investigated, literary soirees, formation of new literary organizations and institutions, literary competitions, and writers' names among them.

Key words: literary life, Izvestiya VZIK (All-Russian Central Executive Committee), 1920s, Soviet literature.

Газета «Известия ВЦИК» занимала одну из лидирующих позиций среди печатных средств массовой информации в начале 1920-х гг., относилась к числу авторитетных общественно-политических изданий. Наряду с газетой «Правда» она была главным печатным органом большевиков. Так, на 31 января 1922 г. тираж «Известий» составил 154 000 экз., «Правды» – 75 000 экз.¹

На страницах газеты отражались все стороны жизни страны. Один из ведущих мотивов в газете – мотив борьбы. Боролись за урожай, за новую культуру, за новые рельсы, на которые должна встать экономика молодого государства. Безусловно, газета отражала и все перипетии политических баталий. В начале 1920 г. преобладают сводки с полей, докладываются о положении дел на фронтах, за границей: существуют рубрики «На фронтах республики», «По Советской России», «В стане контрреволюции». Позже начинаются борьба с разрухой и восстановление хозяйства. Публикуются материалы о сверхурочной работе